

Елена и Габи были лучшими подругами так долго, что часто спрашивали друг друга, была ли у них жизнь до того, как они поженились, и их мальчики, Найл и Оскар, вошли в их жизнь примерно в одно и то же время.

На этом сходство не закончилось. Каждая из них была разведена, Елена дольше, чем Габи, но когда их мужчины ушли от них, их сыновья уже почти закончили колледж, а бизнес Елены, "Verdant", уже был активным и успешным в сфере ландшафтного дизайна и пиломатериалов. Он стал основой ее новой жизни с того момента, как высохли чернила на бумагах о разводе.

Габи работала над тем, что могла найти, и это занимало ее мысли. Она предпочитала заниматься этим, а не сидеть дома и терпеть тишину, которая воцарилась в доме после того, как ее пасынок, Оскар Кеннетт, ушел в морскую пехоту. Его потеря глубоко ранила Габи, и она старалась не чувствовать, что ее бросили и отец, и сын. Оскар стал ее эмоциональной опорой, а теперь его больше нет рядом, и в ее жизни нет никого, кто мог бы восполнить ее одиночество.

Габи должна была знать, что может произойти. Оскар увлекался всем военным с тех пор, как был ребенком, и она вышла замуж за его отца. Его ближайший друг, Найл Джексон, не поддавался искушению сделать то же самое. Теперь он был важной частью бизнеса Елены: именно он придумал торговать пиломатериалами - тем, что "Вердант" вырубала на участке клиента, и что они либо заготавливали и складывали для костра клиента, либо измельчали для мульчирования. Это тоже клиент мог оставить себе, или Verdant забирал все. После перегнивания, часть, Найл упаковывал в мешки, и они превращали то, что было мульчировано, в деньги, логотип Verdant красовался на каждом мешке.

Мальчики были неразлучны, пока Оскар не присоединился к ним и не отправился на остров Пэррис. С таким же успехом это мог быть и другой конец страны, а база в Сан-Диего, потому что Габи не видела его до тех пор, пока не закончился лагерь для новобранцев. Она никогда не сомневалась, что он добьется успеха.

"Ты всегда был моим лучшим другом здесь, и мы почти все делали вместе", - сказал Найл, когда он был в гостях у Оскара, компактного домика в стиле ранчо, расположенного среди лесных зарослей, где они часто играли в футбол или соревновались друг с другом в баскетбол, и мяч звенел в петле, установленной на фронтоне гаража. Подруги приходили и уходили. Они дурачились с ними и учились по ходу дела, но ни одна из них не зацепила их настолько, чтобы заставить задуматься о будущем. В любом случае, Оскар не был настроен на то, чтобы хранить верность или оставаться с кем-то надолго.

"Я вернусь, как только пройду лагерь подготовки и вербовки и освоюсь в корпусе", - небрежно заметил Оскар, не желая давать понять своему приятелю, что и ему придется нелегко.

Он также будет скучать по барбекю, которое они вчетвером устраивали во дворе своих домов, но он знал, что Найл был предан бизнесу, который его мама создала до того, как ее брак с отцом Найла пошел под откос. Елена этого не заслуживала, и он уже начал думать, что будет скучать по ней. Она была компетентна, достаточно привлекательна, чтобы притягивать к себе взгляды, и никогда не могла скрыть, что привлекает мужчину, даже когда носила слишком функциональную рабочую одежду, обычно застиранные брюки с блузкой или футболкой,

цветастую бандану на горле и свои строгие светлые волосы, подстриженные в слишком функциональный боб. Зимой их скрывала вязаная шапка-бини, тело укутывала стеганая куртка, застегнутая до горла, и слишком функциональные брюки с накладными карманами, заменявшие полуботинки. Ее яркая улыбка и живые глаза всегда компенсировали все это.

Но когда они были вместе, отдыхая у барби, на свет появлялись закрученные юбки и обтягивающие фигуру топы, одежда, чтобы ловить солнечные лучи на коже, браслеты и ожерелья. Когда она и его мачеха сделали это, они увидели другую сторону женщин, которые были постоянными в их жизни, и это заставило их заговорить.

Именно тогда они дали волю юношеским фантазиям, которые девушки, с которыми они ходили или на которых спускались, никогда не удовлетворяли. Они также стали задаваться вопросом, что же такого смешного находят их мамы, когда видят, как они дурачатся перед ними. Они оба были худыми и сильными, спортсмены в студенческие годы; он был более мускулистым из них двоих, выше и шире Найла, но он видел, как его друг еще больше располнел после того, как начал работать в Verdant. Тяжелая работа прибавила ему сил. Да, они были чуть выше шести футов ростом, стройные и сильные, их матери не знали, что они все еще каталогизировали каждый изгиб и изгиб своего тела, когда у них была возможность. Они дурачились, и это были лишь дразнящие шутки, ничего больше они не говорили друг другу и давали волю своему воображению.

"Я иногда думаю, что это неуважительно - думать о них так, как думаем мы, приятель", - сказал ему Найл. "Я также думаю, что им, должно быть, одиноко, когда рядом только мы большую часть времени".

"Наверное, да, и свидания - это не то, чем, насколько я знаю, увлекается моя мама, иначе она бы мне сказала".

"Жаль, потому что она выглядит хорошо", - сказал Найл и почувствовал, что Габи думает об Оскаре как о единственной компании, в которой она нуждалась, пока он был дома.

"Да, это так. Моя мама не рассчитывала бы на меня так сильно, если бы у нее был кто-то в жизни, но у нее есть время на восстановление, даже после того, как прошло некоторое время, и мой отец просто ушел... из нашей жизни. Меня это тоже задевает, понимаешь?".

Найл понял. "Габи не заслужила, чтобы ее оставили в таком состоянии..."

Оскар не дал ему больше ничего сказать по этому поводу. "Я думаю о них не только иногда или когда я не с тобой и Еленой, твоей мамой. Поэтому я рад, что буду отсутствовать какое-то время. Это позволит жару во мне немного остыть".

Он остановился, чтобы не сказать, как его мать, поскольку он все еще думал о ней именно так, пробивалась к нему, заведя его часы, всякий раз, когда ей нужно было, чтобы он был рядом. Она касалась его руки, дарила ему улыбку, которая показывала, что в ней снова происходит, безошибочное дрожание ее губ, более мягкий удивленный взгляд ее глаз на него, когда время

шло к тому, чтобы он покинул ее.

"Но это не поможет мне справиться с тем, что я чувствую, иногда, когда мы все вместе. Я знаю, что это неправильно, но они так часто присутствуют в нашей жизни".

"Тогда тебе придется найти способ вывести это из организма, приятель", - засмеялся Оскар.

Найл был слишком смущен, чтобы признаться, что он уже делал это, когда был один и находился в своей комнате. Частые звонки его матери Габи, их смех, а иногда и обрывание разговора, когда он оказывался рядом, подсказывали, о ком они снова говорили.

Но для него это были только разговоры и никакого продолжения. В Оскаре, казалось, горело другое пламя, и это было не то, о чем он решил его спросить. Некоторые чувства и поведение были под запретом, и так оно и должно было оставаться.

2

Габи услышала настойчивый стук во входную дверь. Он был громче, чем обычно, и она поняла, что месяцы ожидания наконец-то подошли к концу. Ее небольшой дом с обшитыми досками стенами и аккуратно подстриженной живой изгородью перед домом был безупречно убран, потолочный вентилятор в гостиной охлаждал воздух, а спрей с цветочным ароматом освежал комнаты.

"Мне пора!" - прошептала она, - "Извини, Елена, но мой мальчик дома! Наконец-то у меня есть компания!"

Она говорила мягким, медовым голосом, и вскоре ее взгляд в зеркало показал яркую улыбку, ее длинные рыжевато-русые волосы были расчесаны, а румянец макияжа и мягкая помада были именно такими, как она хотела, с широко раскрытыми глазами, удивленная тем, что дом снова будет оживлен звуками глубокого голоса и задорного смеха Оскара, его энергия поднимала ей настроение, когда он ходил из комнаты в комнату или опускался на диван рядом с ней, и они могли разговаривать. Ей нужно было многое наверстать и поделиться, у нее снова будет внимательная компания и, возможно, она сможет исправить то, что произошло, когда она видела его в последний раз.

"Я оставлю вас двоих и не буду беспокоить до завтра, хорошо?" Елена тоже почувствовала подъем настроения и надеялась, что пройдет немного времени, прежде чем они будут все вместе.

"Конечно, мы можем встретиться за ужином", - воодушевилась Габи, еще раз проверяя свое отражение в зеркале в прихожей и подгоняя по фигуре узорчатое платье, которое облегалo ее.

У нее была причина суетиться по поводу того, как она выглядит, делая все возможное для своего "мальчика", как она все еще думала о нем. "Мне очень не хватало Оскара рядом..."

"Это касается и меня".

"Ты тоже скучала по нему?" промолвила Габи в некотором замешательстве. "Думаю, это больше не запрещено..."

Елена тихонько засмеялась. "Я помню, как мы часто говорили о наших мальчиках. Кто еще был в нашей жизни? Я работаю все возможные часы с помощью Найла, так что мы связаны очень тесно, но это другое чувство и особая связь, которую я не рискну разорвать".

Габи прекрасно это понимала, но то, что ее бросил муж и отец Оскара, определило их отношения гораздо сильнее, чем она осмеливалась говорить об этом даже Елене. Шутки о молодых людях слишком близко подводили ее к тому, что было и стало до отъезда Оскара. Теперь у нее была неделя, или около того, чтобы еще раз укрепить их связь, и звонки Зум не могли ее заменить.

"Извини, мне действительно нужно идти, иначе мой сын-морпех разнесет дверь! Я позвоню тебе, обещаю!" - рассмеялась она, предвкушая, как снова увидит своего дорогого Оскара.

В последний раз взглянув на себя в зеркало и охваченная грызущим предвкушением, она ушла.

Габи рывком открыла дверь и озвучила свои подавленные чувства воплем восторга.

"Наконец-то ты здесь! Я могу целовать и обнимать тебя... ты больше не лицо на звонке в Zoom!". Вскоре Габи закрыла дверь и бросилась ему на шею, осыпая его лицо шквалом поцелуев и встретившись с мгновенным взглядом его глаз. "Да, я нарядилась для тебя. Я пришел домой пораньше с работы, потому что не хотел опоздать к тебе, дорогая".

Ее сдерживаемые эмоции вырвались наружу в порыве слов, и теперь она встретилась с оценивающим взглядом Оскара.

"Я думал, наденешь ли ты платье с того вчерашнего вечера перед моим отъездом..."

Я знала, что оно тебе понравилось... - ответила она низким голосом, не нуждаясь в напоминании о том времени.

Он стоял перед ней, когда его сумка с грохотом упала на пол. Оскар провел пальцами по лицу Габи и коснулся ее дрожащих губ. "Мне тоже было трудно, ни от чего не было отбоя. Бывали

моменты, когда я задавался вопросом, что я там делаю... не могу найти выхода своим чувствам и переживаниям".

Габи кивнула, потому что она прекрасно понимала, что происходило с ним, так же как и с ней. Некому было отвлечь ее от мыслей о том, как они были вместе до того, как он уехал в лагерь. Она не была без него, близкого и родного, столько времени, сколько занял его призыв в армию. Она искала уверенности, и он предложил ее, а вместе с этим пришло и буйство эмоций после всего, что они сделали.

"Но ты это сделал, и теперь я вижу, как ты изменился, выглядишь таким стройным и сильным". Она почувствовала это во всем нем, в его широких плечах, в его сужающемся к талии теле, в силе его рук, в его твердых бицепсах. Она почувствовала это, когда ее руки обхватили его руки, и Оскар снова притянул ее к себе. "Это звучит безумно, я знаю, но я не хочу отпускать тебя. Заставь меня поверить, что ты снова здесь, пожалуйста?"

Он знал, что она не из тех, кто нуждается в помощи, отнюдь нет; но когда дело касалось их отношений, они жили совсем не так, как все их знакомые, и уж точно Елена и Ниалл. В их первых разговорах она признавалась в том, что бурная совместная жизнь вызвала в ней смятение, чувство яростной вины, которое она убеждала его уступить, прежде чем он потерял себя с ней. Когда страх и запреты исчезли, все, что они разделяли, стало по обоюдному согласию, но с яростными запретами. Они участвовали в запретных действиях, отдавались неистовым желаниям, которые ни один из них не подавал признаков того, что хочет преследовать или добиваться от другого. И все же нежелание Оскара было постепенно подавлено.

"Я очень рада, что вернулась, и я снова чувствую это в своей крови, мама".

"Габи... Я - Габи!" - напомнила она ему сурово. "Я стала Габи после той последней ночи вместе и до того, как ты меня бросил. Мне пришлось пережить дни, а потом и недели после этого". Она с ужасом заметила, как он перевел взгляд на нее. "Дорогая, не смотри на меня так..."

"Ты знаешь, почему я так делаю, и почему было правильно, что я оставил тебя. Я всегда буду возвращаться, потому что знаю, что дверь всегда открыта".

"Даже после всего того, что мы сделали вместе? Это было сумасшедшее время, не так ли?"

"Да, даже после тех моментов. Я знал, что причинил тебе боль, решив уехать..."

"Но теперь ты здесь, со мной".

"Да", - улыбнулся он, проводя кончиками пальцев по ее вздернутому лицу. "Я очень хотел быть здесь..."

Они крепко обнялись, когда он отвечал ей, когда они целовались и прижимались друг к другу так близко. Он сжимал ее бедра. Она чувствовала его возбуждение на своем животе, и Габи прижалась к нему изо всех сил. Какое безумие, подумала она, глядя на Оскара и снова понимая, что в нем происходит. Этого не должно было произойти, но она и не думала об этом.

Это было так неправильно: то, что она чувствовала, снова овладело ею, как в ту прошлую ночь, когда он оставил ее в пустом доме, и ее эмоции, как и его, вышли из-под контроля. В ее жизни не было никого, кто мог бы удовлетворить ее потребности, унять тоску, которую она испытывала к нему. Колодец доверия иссяк за годы после развода, но она знала Оскара, как никого другого.

"Дорогая... ты... ты хочешь, чтобы я... снова?"

Габи вспомнила и почувствовала боль от разрушительной тоски, когда вспомнила его последнюю ночь с ней, их встречу в холле возле их комнат, его объятия, утешающие за причиненное расстройство, прикосновения его пальцев к слезам на ее щеках, объятия ее сына, медленно переходящие в ищущие ласки, произнесение убедительных слов и встречу поцелуев, постепенную уступку ему перед тем, как в конце концов оказаться насаженной на длинный член пасынка и полностью потерять его. Пустые разговоры с Еленой стали яростно реальными, даже если Оскар добивался этого от нее, а она отдалась ему.

"Позволь мне... позволь мне, - пробормотал он, прижимаясь лицом к ее груди и чувствуя нерешительное прикосновение Габи к его голове, когда она прижимала его к себе, - позволь мне узнать, куда ты дел свои духи? Прости меня... за... за то, что я хочу быть с тобой снова, как прежде".

Габи знала, что ей следует отрицать все это, то, что она чувствует, и сдерживать его притязания на нее. Но с того момента, как она открыла ему дверь, она поняла, что сопротивляться - значит отрицать то, что она должна была получить от него. Оскар снова стал бы суррогатом для длительных и приемлемых отношений с другим мужчиной; связь, которая продолжала ускользать от нее.

Она находилась в своем доме, и он мог ослабить любую сдержанность и удовлетворить желаемый заряд возбуждения, который его поцелуи и ласки снова пробудили в ней.

Все, о чем они с Еленой дразнили друг друга, о чем говорили и над чем смеялись, снова стало реальностью с любовью и страстью, ее тело превозносилось, когда Оскар ласкал и целовал, сосал и прижимался губами к ее коже, к ее бедрам и мягкому животу, к ее большим и обвисшим грудям, его непроизвольные присоски были присосками любовника, а не мальчика, которого она лелеяла, как своего собственного; Все это было прелюдией к тому, чтобы он оказался внутри ее тела, чтобы ощутить глубокий и томительный ритм, которого он добивался от нее и которого жаждала она, все это было яростным наступлением на все, что было положено.

Об этом никогда не говорили, даже с самой близкой и надежной подругой. Инцест был табу, о нем никогда не говорили, хотя он случался чаще, чем люди осмеливались осознавать, и в культурах, столь отличных от их. Она всегда была так близка с Оскаром, ни в чем ему не отказывала в своей материнской любви и заботе, но она не могла до конца объяснить, как она оказалась в этом месте, где они оба были снова.

"Я с тобой".

"Да, и я должна остановить тебя! Мне должно быть достаточно того, что ты снова дома со мной и чувствуешь себя рядом со мной, но не больше этого, того, что мы сделали!"

Могла ли она узнать ту женщину, в которую снова превратилась? В рабстве перед ним она снова стала развратной и разрушительной, то, на что она надеялась и о чем не говорила с Еленой даже абстрактно, снова стало реальностью. Она ласково погладила его по коже, когда Оскар покидал ее постель, над головой сверкали молнии и гремел гром, а в окно спальни бился ураганный ветер, слышно было, как он вздыхает в карнизе.

"Там точно штормит", - тихо рассмеялся он, глядя сквозь сетчатые занавески, когда дождь хлестал по стеклу и закрывал обзор. "Я тренировался в этом до тех пор, пока не стал похож на болотное животное, покрытое грязью!"

Его смех был заразительным, он был таким, каким она его никогда не видела, уверенным в себе и слишком самоуверенным в своих притязаниях на нее. Габи протянула к нему руки, когда он вернулся к ее кровати и склонился над ней, глядя вниз на ее обнаженное тело, на вздымающиеся груди и на то, как она перебирает пальцами пучок волос на груди. Он присоединился к ней, нежно поглаживая губами ее твердые соски.

Она извивалась, когда его притязания возбуждали ее, а ее руки лежали на его голове, удерживая Оскара. Он стал кем-то другим, а она вела себя по-своему нагло и самоуверенно.

"Ты скучал по мне!"

"Конечно, скучал, и я думал об этом, ты знаешь?" - сказал он хриплым голосом, закрывая глаза, когда говорил это, рука снова провела по коже страстной женщины. "Тогда это приносило тебе утешение, но теперь это стало чем-то другим. Я не буду принуждать тебя, я бы никогда этого не сделал, поскольку знаю, что ты чувствуешь по отношению к этому".

"Я не уверен, что знаю, дорогая... Я снова позволил этому случиться".

"Может быть, есть причина для того, чтобы это произошло снова, даже если это так неправильно?"

"Да, но вернись ко мне!" - задыхалась она, не желая говорить об этом, извиваясь под его

прикосновениями там, где она взяла его, держась за голову, когда Оскар опустился на колени на кровать рядом с ней и наклонился, чтобы поцеловать и вылизать ее; чтобы она ощутила на его губах вкус того, что они разделили несколько минут назад. Он делал это бесстыдно, снова и снова, и ее сдерживающие прикосновения, сдерживающие его распутное поведение, постепенно ослабевали.

"Вот так... вернуться к тебе вот так?" Он дышал ей в губы, когда переместился к ней между ног и раздвинул ее ноющие бедра, прежде чем медленно вошел в ее слипшееся тепло. Все мысли о сдержанности вскоре рассеялись, когда он почувствовал, как она сжала его руки, и они снова устремились к дикому соединению своих тел.

"Да, вот так! Ты снова со мной... и я знаю, что это так неправильно, но я никогда не узнаю, когда ты вернешься снова, и ты положишь конец пустоте моей жизни!".

Он больше не чувствовал страха перед тем, что они стремились сделать и разделить. Он был захвачен видом ее плотского, обнаженного тела, а не мыслью о том, что Габи - его мачеха. и его не пугал вид ее обнаженного тела. Ее кожа все еще хранила розовый отблеск их любви предыдущей ночью.

"Приблизься ко мне", - потребовала она.

Они боролись, страх от происходящего встретился с желанием вновь испытать то, что было открыто заново. Габи протянула руку между их телами и взяла его эрекцию, этот столб плоти, такой твердый и выгнутый из его упругого живота.

"Доведи его до меня так, как можешь только ты!" - задыхалась она, поднимая бедра навстречу длинным медленным толчкам его члена в ее восприимчивое тело, разделяя его дыхание, когда их тела встретились и установился медленный ритм.

<http://erolate.com/book/1764/51782>